

А.В. Винник (Тверь)

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (РИТУАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Вопрос отношений церкви и государства в период революции продолжает сохранять научный интерес и привлекать внимание исследователей. Семиотические особенности взаимоотношения государства и католической церкви в годы Великой Французской буржуазной революции изучены на сегодняшний день недостаточно.

В научной литературе, причем не только отечественной, произведено недостаточно четкое разделение между церковью и религией, культом и верой. Следует отметить, что устоявшееся представление о церкви как институте враждебном революционным преобразованиям сложилось в ходе и по окончании революции, но вовсе не было таковым изначально. Ключевой вопрос здесь в том совместима ли революция и вера в Бога? – возник только на революционном пике в 1793-94 гг.

Не следует забывать, что у истоков революции, и особенно в ее начале позиции французского клира по отношению к преобразованиям были неоднозначными. Французская революция последовательно уничтожала феодализм и та сторона деятельности церкви как института, которая была с ним связана, подлежала уничтожению. В самой церкви единства по вопросу преобразованиях не было. В созданных в 1789 г. Генеральных Штатах духовное сословие, главным образом, голосами приходских священников солидаризировалось с третьим сословием, что способствовало радикализации революции.

В этот период основной идеей французского духовенства, во всяком случае, той ее части, которая была ориентирована на преобразования, было создание национальной (государственной церкви) как альтернативы глобализаторскому подходу Рима. Следует только иметь ввиду, что схожие идеи высказывались не только в революционной Франции, но и в частности, во вполне консервативной Австрии. Т.е. сама по себе мысль о подчинении церкви нации (государству) это не продукт революции, а скорее отражение общей тенденции к росту национализма и укрепления государств того времени.

Солидаризировавшееся с третьим сословием духовенство само (без очевидных принуждений) отказалось от сословных привилегий, как бы подчеркивая свою непринадлежность к феодальной иерархии.

Именно представители духовенства инициировали рассмотрение в Законодательном собрании вопросов о роспуске монашеских орденов, секуляризации церковного имущества, установление государственного содержания священников¹. Данные решения – во многом результат существовавшего во Франции Старого порядка практики занятия епископских кафедр выходцами

из аристократии, что способствовало возникновению социального конфликта среди духовенства.

В русле этого и последующие решения, принимаемые с согласия представителей клира в Собрании: сокращение количества епископий, выборность епископов, и, наконец, декретирование в Конституции принципа Французской национальной церкви, требующего гражданской присяги духовенства. Часто в литературе проводится мысль, что именно требование гражданской присяги породило разрыв духовенства с гражданской революционной властью. Представляется, что данный тезис нуждается в некотором уточнении. Основной проблемой здесь было не столько требование присяги (как некоего морального выбора священника), сколько те последствия, которые в результате этой присяги возникали. Поскольку одновременно с национальной церковью был введен принцип назначения государством на церковные должности и произвольного изменения границ епископств и приходов – сочетание этих факторов обусловило процесс замены одних священников на других (быстро и охотно присягнувших и пользующихся доверием властей). Поскольку авторитет смещаемых священников часто был выше авторитета назначаемых, это порождало конфликт с широким привлечением прихожан, особенно в религиозной крестьянской среде.

Возникший в среде духовенства конфликт серьезно ударил по значению церкви как института. Вновь назначенные священники предавали проклятию своих предшественников, получая проклятия в ответ. Для верующих чаще всего первичен был личный авторитет священника, нежели его отношение к гражданской присяге, но по мере развития конфликта отказ от присяги стал своего рода гражданской позицией, собиравшей вокруг такого священника всех недовольных революцией. Это в свою очередь давало основание обвинять такого «неприсягнувшего» священника в антирелигиозной деятельности.

Характерны и аргументы спора – преследуемые властями неприсягнувшие священники в качестве аргументов поддержания своей позиции использовали не авторитет Священного Писания, а, к примеру, Декларацию прав человека и гражданина, гарантирующую свободу культов. Таким образом, оппозиционное духовенство использовало революционную лексику и революционную знаковую систему.

Внутрицерковный конфликт парадоксальным образом способствовал расширению светской составляющей религиозного процесса даже там, где к этому еще не было предпосылок. Именно неприсягнувшие священники инициировали вопрос о светской регистрации актов гражданского состояния, что объяснялось желанием отобрать у присягнувших монополию на них².

Таким образом, до установления республики оппозиционное духовенство по-своему вписывалось в установившуюся во Франции систему ценностей и отношений.

Весьма неудачное вмешательство папы Пия VI, запретившего гражданскую присягу, и, определившего революцию несовместимой с принадлежностью к Церкви, нанесло серьезный удар по позициям консерваторов во

Франции. Теперь «неприсягнувшие» священники официально объявлялись ставленниками международных антиреволюционных сил, поставившими свой «фанатизм» выше прав нации. Это усилило репрессии против оппозиционных священников.

В этих условиях постепенно начали выработываться контуры некой новой, своего рода национальной религии – «религии Отечества», которая была призвана соединить старые ритуалы с новым содержанием.

Радикальная часть революционеров приходит к мысли, что католический фанатизм и атеизм одинаково опасны для революции, а потому неприемлемы. Новая революционная религия должна быть наделена престижем, эстетической и морализующей торжественностью – всей той притягательной силой, которой религиозные церемонии оказывают на человека³. В период якобинской диктатуры (1793-1794 гг.) эта концепция получила воплощение в формировании культа Верховного Существа. М.Робеспьер придя к власти выступил резко против атеизма, как аристократической, непонятной народу идее. Идея «верховного существа», в его представлении, охраняющего угнетенную невинность и карающего торжествующее преступление – это народная идея⁴. Робеспьер утверждает, что «нападать на установившийся культ следует всегда лишь с осторожностью и известной деликатностью из страха, что внезапное и сильное изменение его может показаться покушением на нравственность и даже отказом от честности»⁵. Идея «верховного существа» и бессмертия души – это, таким образом, непрерывный призыв к справедливости, следовательно, она социальная и республиканская⁶.

Формирования культа гражданской религии усилило нападки на католицизм и церковь. Яркое воплощение этого – введение революционного календаря, вводящего во Франции новую знаковую систему. Произошло упразднение летоисчисления, религиозных праздников, включая воскресные дни. Данный вакуум должен был заполниться. Помимо уже устоявшихся четырех революционных праздников, вводились праздники декадные, что было призвано заменить воскресенья. Список этих дат очень специфичен. Здесь можно выделить несколько групп праздников. Первая такая группа – праздники, связанные с культом Верховного Существа (день Верховного Существа, Природы). Ко второй группе можно отнести праздники, отражающие семейные ценности (день Супружеской верности, Сыновнего почитания, Материнской нежности, наших предков и т.п.). В третьей группе оказываются даты, олицетворяющие республиканские идеалы (День Благодетелей человечества, Любви к родине, Свободы и равенства, Ненависти к тиранам и изменникам и т.п.) Наконец к четвертой группе правомерно отнести праздники, связанные с восхвалением гражданских добродетелей (День Смелости, Героизма, Бескорыстия и др.). Достаточно очевидна параллель с праздниками христианского культа. Здесь и праздники, связанные с ключевыми событиями сакральной истории (для революции это День казни короля, День восстания, День взятия Бастилии и День Республики), и декадные праздники, позволяющие вписать весь календарный год в своеобразную ритуальную систему, и даже своеобразное подобие пасхальной недели – так называемые «санкюлотиды» – осо-

бые 5 (или 6 в високосном году) дней, не включенные в какие-либо месяцы и посвященные праздникам, предваряющим главную календарную дату – День Республики.

Таким образом, эволюция отношения церкви и государства в восходящий период Великой французской буржуазной революции была направлена от корректировки отношений в плане исключения церкви из числа институтов Старого порядка до формирования новых форм религиозного сознания в рамках существующих знаковых систем.

---

¹ Гергей Е. История папства. М., 1996. С.285.

² Матъез А. Французская революция. Ростов/Д., 1995. С. 148.

³ Там же. С.151.

⁴ Робеспьер М. Об атеизме и политике в вопросах религии // Робеспьер М. Избранные произведения в трех томах. М., 1965. Т.3. С. 71.

⁵ Робеспьер М. Об отношении религиозных и моральных идей к республиканским принципам и о революционных праздниках // Там же. С.174.

⁶ Там же. С.176.